

После уборки Лу Цинцзю застелил пол подвала толстым слоем промасленной бумаги, чтобы хранящаяся капуста не соприкасалась с сыростью. Закончив, он вынес загадочный ящик наверх и принялся тщательно вытирать его влажной тряпкой, снимая остатки пыли.

В полумраке подвала разглядеть что-либо было трудно. Только теперь, на свету, Лу Цинцзю увидел, что ящик был глубокого черного цвета, без каких-либо украшений или резьбы – лишь безусловно гладкая поверхность. Однако фактура дерева была удивительно красивой и приятной на ощупь.

На передней части шкатулки висел небольшой черный текстовый замок – древняя конструкция, где вместо цифрового кода требовалось угадать три слова. Казалось бы, логика подбора должна быть простой, но даже перебрав все очевидные варианты, Лу Цинцзю не смог его открыть.

«Может, его заклинило от времени?» — подумал он и отложил шкатулку в сторону, решив, что когда-нибудь позже просто разберет ее с помощью инструментов.

Тем временем, с того самого дня, как Лу Цинцзю обмолвился о желании приготовить сладкие жареные каштаны, Инь Сюнь не находил себе места в поисках мелкого песка. К вечеру ему удалось раздобыть целый мешок белоснежного песка, и он тут же начал упрашивать немедленно приступить к готовке легендарного лакомства.

Лу Цинцзю усмехнулся: «Сначала промой песок. Когда просохнет – будем жарить».

«Ладно!» — Инь Сюнь энергично засучил рукава и умчался выполнять поручение.

Он промыл песок несколько раз, но вода оставалась кристально чистой – ни соринки, ни крупинки грязи. Мелкий белый песок оказался стерильным. Лу Цинцзю, хоть и удивился, не стал расспрашивать, откуда Инь Сюнь его взял. В конце концов, тот был горным божеством – раздобыть немного песка для него не составляло труда.

Промытый песок рассыпали на чистую пленку во дворе, оставив сушиться под солнцем. Как только он высохнет, можно будет начинать.

День выдался хлопотным. Уставший после долгой работы, Лу Цинцзю рано лег спать. Перед сном его взгляд упал на деревянную шкатулку, пристроенную у кровати. «Завтра разберусь», – мелькнуло в голове.

Однако на следующее утро, позавтракав и взяв в руки плоскогубцы, чтобы наконец-то взломать замок, Лу Цинцзю обнаружил нечто ошеломляющее: слова на замке изменились.

Казалось, они полностью обновились. Лу Цинцзю вчера долго возился с замком и хорошо

запомнил прежнюю комбинацию, а теперь перед ним были совершенно другие иероглифы. Он мог поклясться, что никогда не видел их здесь прежде.

Как такое возможно?

Лу Цинцзю долго и пристально смотрел на шкатулку, убеждаясь, что это не игра света и не галлюцинация. Подумав, он сжал плоскогубцы и изо всех сил попытался перекусить дужку. Но хрупкий на вид замок даже не дрогнул. Сколько Лу Цинцзю ни старался, на металле не осталось ни царапины, зато на губках плоскогубцев отпечаталась вмятина.

Будь он обычным человеком, это показалось бы пугающей странностью. Но в его доме уже обитало слишком много необычного, и одна лишь таинственная шкатулка не могла его смутить. Не сумев справиться с замком, Лу Цинцзю взял шкатулку и отправился во двор к Бай Юэху.

День выдался солнечным и тихим. Лучи мягко заливали внутренний двор, навевая ленивую истому.

Бай Юэху грелся на солнце. Лениво приняв из рук Лу Цинцзю шкатулку и бегло осмотрев ее, он спросил: «Где нашел?»

«В подвале», — честно ответил Лу Цинцзю.

Лицо Бай Юэху стало серьезным. Лу Цинцзю редко видел на его лице такое выражение, и необъяснимое беспокойство сжало ему сердце. «Что... в ней особенного?»

«Есть кое-что, — Бай Юэху провел пальцем по замку. — Этот замок откроется только в определенное время».

«Хм?»

«Хотя требуется всего три слова, они меняются каждый день. И лишь в нужный день появятся нужные слова. — Бай Юэху медленно моргнул. — Кто ее оставил?»

«Я нашел в подвале... Должно быть, моя бабушка».

«Тогда, возможно, это подарок для тебя», — сказал Бай Юэху, возвращая шкатулку.

Слегка смущенный, Лу Цинцзю прижал шкатулку к груди. «Но эта шкатулка... не из мира людей, да? Может, бабушка была знакома с кем-то... необычным?»

Бай Юэху не увидел в этом ничего странного: «У каждого есть свои секреты».

«Верно, — согласился Лу Цинцзю. — Но я не знаю ни пароля, ни времени. Есть ли другой способ открыть ее?»

Неожиданно Бай Юэху покачал головой: «Материалы, из которых сделаны шкатулка и замок, очень особенные. Они не из мира смертных. Если попытаться вскрыть силой, есть риск уничтожить содержимое».

Услышав это, Лу Цинцзю смирился.

Видя его разочарование, Бай Юэху мягко добавил: «Можешь проверять замок каждое утро. Раз шкатулку оставили тебе, наверняка должны были оставить и подсказку. Либо она не хотела, чтобы ты открывал ее сейчас, либо время еще не пришло».

«Что ж, пожалуй, так и сделаю», — Лу Цинцзю слабо улыбнулся и, поблагодарив, вернулся в дом, крепко прижимая шкатулку.

Семья Лу Цинцзю была маленькой, почти не было родни. Кроме родителей, лишь бабушка. Она растила его до восьми лет, пока его не забрали в город. Можно сказать, все его детские воспоминания были связаны с ней.

Высокая, стройная старушка, в чертах которой угадывалась былая красота. Она была немногословна, но Лу Цинцзю всегда чувствовал ее любовь без слов — она светилась в ее взгляде.

После внезапной гибели родителей бабушка, вынужденная «седовласой провожать черноволосых», за одну ночь стала совсем старой. Лу Цинцзю тогда еще учился. Он уговаривал ее переехать к нему, но как ни старался — она оставалась непреклонной. Пришлось смириться.

Это было решение, о котором он жалел больше всего. Вернись он тогда в деревню Шуйфу, чтобы быть с ней, возможно, она не ушла бы так рано.

Лу Цинцзю опустил шкатулку, и его взгляд снова упал на замок. Он не знал, какие секреты хранила его бабушка, но был уверен в одном: что бы она ни сделала, это не принесет ему вреда. Раз она не оставила пароль, значит, возможно, как и сказал Бай Юэху... время еще не пришло.

Взяв себя в руки, Лу Цинцзю решил последовать совету: проверять замок каждое утро. Он верил, что однажды методом проб и ошибок найдет нужную комбинацию и узнает, что же бабушка хранила для него все эти годы.

Поставив шкатулку на место, он переключился на другие дела. Сначала нужно было прокалить

высохший песок в воке, а затем, засыпав каштаны, медленно перемешивать их в раскаленной зернистой массе. Каштаны были уже надрезаны, и сладкий аромат начал разливаться по кухне почти сразу. Когда они были почти готовы, Лу Цинцзю щедро засыпал белый сахар и стал быстро помешивать, чтобы растопленный сахар не пригорел. Готовые каштаны он оставил ненадолго остывать прямо в воке.

Стоит сказать, что приготовление сладких жареных каштанов – дело трудное. Закончив, Лу Цинцзю был покрыт легкой испариной. Однако божественный аромат уже собрал в кухне всю домашнюю живность. Две маленькие свиньи и лисенок устроились у его ног, не отрывая умоляющих глаз от вока. В дверях, облизываясь, маячил Инь Сюнь.

«Готово». Лу Цинцзю провёл рукой по влажному лбу и впустил Инь Сюня, чтобы тот раздал каштаны.

Юноша ринулся прямо к жаровне. Не успел Лу Цинцзю предостеречь его – Инь Сюнь уже протянул руку к каштану и схватил его прямо из жара. От соприкосновения с обжигающей поверхностью он вскрикнул: «Ай-ай-ай, так горячо!»

Лу Цинцзю: «...»

Инь Сюнь отдернул пальцы, но, словно не чувствуя боли, лишь схватил лопатку и начал выкапывать каштаны из мелкого раскалённого песка.

Лу Цинцзю уже не мог оставаться в стороне. «Рука не болит?»

«Не болит», — проговорил Инь Сюнь, уже разламывая очередной каштан и счищая скорлупу. Очистив, он тут же положил его в рот. И мгновенно глаза его наполнились влагой от нахлынувшего чувства. — «Это слишком вкусно, у-у-у, каштан... невероятно вкусный».

В сыром виде каштаны хрустели, но после обжарки стали мягкими, почти тающими. Сахар придавал им тонкую сладость, а запах карамели сливался с густым, земляным ароматом самих плодов...

Слезы катились по лицу Инь Сюня, пока он ел.

Лу Цинцзю, наблюдавший эту картину, стоял в оцепенении. Он не мог понять – плакал ли юноша от боли в обожжённой руке или от того, что каштаны были поистине божественны.

«Слишком вкусно, — глухо произнес Инь Сюнь, — я официально заявляю: каштаны – самые прекрасные фрукты в этом мире!»

[На самом деле каштан – орех, но мы простим Инь Сюня.]

Лу Цинцзю: «...Если нравится – просто ешь. Завтра сделаю ещё».

Затем он отдал несколько каштанов поросётам и маленькому лису, не забыв отщипнуть и крохотный кусочек для Наложницы Повелителя Дождя, которая наблюдала из меха лисёнка. Самый большой гурман в доме – Бай Юэху – тоже, естественно, не был обойдён вниманием.

Лу Цинцзю выловил из песка все каштаны, и они все вместе уселись во дворе, поглощая лакомство. Он поджарил семь-восемь цзинь*, но этого явно оказалось мало. Инь Сюнь ел, пока живот не округлился, но всё ещё не желал остановиться. Бай Юэху, хоть и хищник, тоже проявил неожиданный интерес к каштанам. Подумав, что чистка их – дело хлопотное, он всё же отметил: разница между каштанами без скорлупы и в скорлупе была поразительной...

[Мера веса, 1 цзинь = 500 г.]

Съели несколько цзинь каштанов, и на ужин уже почти ничего не требовалось. Лу Цинцзю сказал Инь Сюню, что завтра хочет вместе с ним отправиться в город. Он заказал немало утиных яиц для соления и планировал сделать вяленое мясо.

Инь Сюнь согласился, обещав рано прийти.

Прохладный осенний ветер шелестел опадающей листвой. Но это было также время урожая. Деревья хурмы на восточной окраине деревни были усыпаны ярко-жёлтыми плодами, похожими на маленькие фонарики, качающиеся на ветру вместе с ветвями. Осень, благодатная и щедрая, наполнила деревню ощущением процветания. На улицах – повсюду жители с продуктами, лица их светились радостью от обильного урожая.

В этом году погода была милостива, без неожиданностей. Урожай в деревне Шуйфу явно выдался на редкость удачным.

Чтобы помочь пище усвоиться, Лу Цинцзю прогулялся по деревне. Когда он уже собирался отправиться спать, дядя Ли из соседнего дома постучал в его дверь.

«Дядя Ли, что случилось?» — спросил Лу Цинцзю.

«Цинцзю, а... послезавтра в деревне праздник осеннего урожая, — сказал дядя Ли. — Не забудь прийти, он будет на большой набережной у въезда».

Только тогда Лу Цинцзю вспомнил, что в Шуйфу существовала такая традиция. Он кивнул: «Хорошо, обязательно приду».

«Ладно. Я просто боялся, что ты забыл - вот и напомнил».

«Спасибо, дядя Ли», — Лу Цинцзю улыбнулся благодарно.

Поскольку благополучие зависело от погоды, каждый год осенью деревня Шуйфу устраивала праздник урожая. Каждая семья приносила овощи или другие продукты, женщины готовили общие блюда, которые все съедали после церемонии. Во-первых, это подношение горному богу в надежде на хороший урожай в следующем году, во-вторых - возможность для жителей встретиться, пообщаться и укреплять связи.

Лу Цинцзю вернулся недавно и совсем забыл об этом. Инь Сюнь тоже не упоминал праздник - вероятно, потому что он был связан с жертвоприношением горному богу. Ему было неловко самому напоминать?

На следующий день, сидя с Инь Сюнем в грузовике, Лу Цинцзю заговорил о празднике урожая. Инь Сюнь, услышав, на мгновение замолчал, затем сказал: «А, осенний фестиваль. Ты пойдёшь?»

«Наверное, пойду, — видя, что Инь Сюнь выглядит немного подавленным, Лу Цинцзю спросил: — Тебе он не нравится?»

Инь Сюнь: «Не нравится...»

Это разожгло интерес Лу Цинцзю: «Почему?»

«Потому что подношения горному богу - сырые, а то, что люди едят - приготовлено, — Инь Сюнь даже слегка обиженно добавил. — И ещё каждый раз я не могу участвовать в человеческом облике. Могу только наблюдать, как они едят».

Лу Цинцзю, услышав это, рассмеялся. Он мгновенно представил эту картину и понял: для Инь Сюня праздник действительно был испытанием.

Во время осеннего фестиваля Инь Сюнь должен становиться горным богом, принимая подношения жителей, но из-за этого не может присутствовать как обычный человек. После нескольких таких случаев деревенские даже начали думать, что он избегает их, и специально просили старосту поговорить с ним. Инь Сюнь мог лишь неловко оправдываться «боязнь толпы».

В этом году, вероятно, придётся использовать ту же причину. На празднике будут только Лу Цинцзю и Бай Юэху.

В городе Лу Цинцзю купил много утиных яиц и мяса, а также припасы, которых не доставало дома. Вернувшись, он начал готовить солёные утиные яйца. Первоначально он планировал в

эти дни сделать ферментированный соевый творог (тофу), но из-за фестиваля урожая планы отложились на несколько дней.

Из-за праздника обычно тихая горная деревня оживилась. Для детей это было почти как Новый год – вкусных закусок становилось гораздо больше.

Лу Цинцзю решил принести на праздник говядину и немного овощей. Этот год был первым после его возвращения в Шуйфу, и построить хорошие отношения с жителями было важно.

Бай Юэху не интересовался многолюдными собраниями и сказал, что дома съест лапшу быстрого приготовления.

Лу Цинцзю усмехнулся: «Что за лапша быстрого приготовления? Я приготовил для тебя свиные ребрышки с клейким рисом. Когда придёт время, просто сними с огня – всё будет готово. Не забудь покормить маленького лисёнка».

Бай Юэху кивнул и велел Лу Цинцзю уйти пораньше и вернуться тоже рано.

Лу Цинцзю ответил «хорошо» и вышел за дверь с мясом в руках. От Инь Сюня сегодня не было ни звука – вероятно, он уже ушёл, чтобы принять облик горного бога.

На набережной перед деревней, месте праздника, уже собралось много людей. Лу Цинцзю передал мясо, и, когда он приблизился, одна из деревенских женщин тепло его приветствовала. Увидев мясо в его руках, её улыбка стала ещё ярче. Лу Цинцзю быстро передал продукт, затем непринуждённо нашёл место, где присесть.

В центре набережной стояла большая деревянная платформа, на ней – каменная статуя горного бога. Как и у всех горных богов, у него была козлиная борода и доброе лицо, совсем не похожее на глуповатый облик Инь Сюня.

Перед платформой деревенские женщины расставляли различные продукты, принесённые жителями. Когда наступил полдень, староста преклонил колени перед статуей, зажёл благовонную палочку и вознёс молитву, прося горного бога благословить деревню Шуйфу хорошей погодой в следующем году.

Возможно, потому что деревня Шуйфу находилась в отдалённом, почти изолированном от современного мира месте, эта древняя форма поклонения ещё сохранялась.

Лу Цинцзю тоже смотрел на статую горного бога. Может, это было лишь ощущение, но ему казалось, что всякий раз, когда он смотрел на статую, этот козлобородый бог улыбался ему. Однако при внимательном взгляде выражение лица бога оставалось строгим, а глаза смотрели вдаль.

После поклонения староста позволил людям убрать подношения и перенести их к печам для приготовления, которые давно были установлены.

Как почти новичок, Лу Цинцзю должен был сидеть ближе к краю стола, но, возможно, благодаря его щедрости и близости с соседями, дядя Ли пригласил его сесть ближе к центру.

После приготовления ещё обжигающе горячие блюда одно за другим выносились к столу. Хотя вкус был простым, их было более чем достаточно для всех собравшихся. Так как зимой погода в Шуйфу становилась очень тяжёлой, почти никто не покидал дома, этот осенний праздник урожая был подобен маленькому Новому году*.

[Китайский Новый год.]

Помимо еды, имелось там и то, что мужчины ценили превыше всего – крепкий алкоголь. На этот раз им оказалось домашнее белое вино, обжигающее, словно лезвие ножа, но с приятной горчинкой, от которой не откажешься. Вино пришлось по вкусу всей мужской половине деревни. Проработав в поле целый год, они наконец могли позволить себе расслабиться и выпить за душевной беседой.

Лу Цинцзю сделал глоток. Напиток обжёг горло острой болью, но, достигнув желудка, растёкся согревающей волной, превращая жжение в глубинное, почти ласковое тепло.

«Хорошее вино», — одобрил он.

«А разве не прекрасное? — с гордостью произнёс дядя Ли. — Сам дома ставил. Принёс, чтобы всех сегодня угостить. Пейте, сколько душе угодно, на всех хватит!»

Крепость у вина была изрядной. Даже люди с высокой выносливостью не могли осилить много. Хоть в имени Лу Цинцзю и значилось «вино» (цзю), содержание алкоголя здесь оказалось действительно высоким. Выпив одну чашку, он ощутил, как по щекам разлился лёгкий румянец, а глаза стали влажными и блестящими, словно отполированное стекло.

Вся деревня гудела, как растревоженный улей: оживлённые разговоры, смех, азартные крики в играх на пальцах*. Всё это вызвало у Лу Цинцзю мягкую, светлую улыбку. Давно у него не было столь шумного и душевного застолья. Время от времени такая суматоха оказалась даже приятной.

[*Игра на пальцах, где проигравший выпивает. Угадывание суммы пальцев, выброшенных обоими играющими.]

Болтая, смеясь, закусывая и пригубляя вино, Лу Цинцзю незаметно для себя опьянел. Голова закружилась, сознание оставалось ясным, но тело уже не слушалось. Решив, что пора возвращаться, он опустил голову на стол, и в его затуманенном взгляде возник знакомый

силуэт.

Пришёл Бай Юэху.

Он подошёл с другого конца деревни. Окинув взглядом шумное сборище, он сразу заметил Лу Цинцзю, безвольно лежащего в углу стола, будто отключившегося от мира.

Толпа по-прежнему гудела. Повсюду виднелись подвыпившие мужчины, а воздух был густ и терпок от запаха алкоголя – кому-то он мог показаться даже неприятным. Бай Юэху приблизился к Лу Цинцзю и понял, что тот изрядно пьян.

Хотя Лу Цинцзю выпил не так много, качество напитка давало о себе знать. Опьянев, он не буянил, а просто покорно лежал, не двигаясь. Лишь когда Бай Юэху тихо позвал его по имени, тот удивлённо поднял голову и уставился на своего лиса влажными, затуманенными глазами. Сознание, приглушённое хмелем, медленно цеплялось за реальность. Лу Цинцзю смотрел несколько мгновений, прежде чем наконец узнал того, кто перед ним. Он улыбнулся, глаза его превратились в узкие полумесяцы, и приглушённо проговорил: «Юэ... Юэху...»

Бай Юэху ничего не ответил, лишь внимательно смотрел на него.

«Я... Кажется, я пьян. — Лу Цинцзю фыркнул, попытался приподняться, но тело не слушалось, и в его заплетающемся голосе проскользнула нотка обиды: — Почему... не встаётся?..»

Бай Юэху протянул руку, взял Лу Цинцзю за запястье и притянул к себе. Тот послушно позволил вести себя, но, оказавшись у груди, уловил лёгкий, едва заметный аромат. Он определённо исходил от Юэху. В обычный день Лу Цинцзю, вероятно, сделал бы вид, что ничего не заметил, но сейчас он был пьян. Без тени смущения он приподнял голову и принялся обнюхивать шею и одежду Бай Юэху, словно пёс, выслеживающий дичь. Причём ещё и прокомментировал: «И... Юэху, откуда этот приятный запах?..»

Бай Юэху смотрел на человека в своих объятиях с непроницаемым выражением лица.

Лу Цинцзю понюхал ещё немного, но, не обнаружив источника, успокоился, безвольно обмяк в его объятиях и погрузился в дремоту.

Выведя Лу Цинцзю из шумной толпы, Бай Юэху без лишних слов подхватил его на руки и понёс домой.

Инь Сюнь как раз вернулся и сидел во дворе, уплетая свиные рёбрышки с клейким рисом. Увидев, как Бай Юэху вносит во двор пьяного Лу Цинцзю, он поспешно выплюнул кость и воскликнул: «Ты вернулся! Цинцзю что, перебрал?»

Бай Юэху кивнул.

«Клади его на кровать, я сбегаю приготовлю отрезвляющий отвар!» — Глядя на то, как Лу Цинцзю беспомощно висит в объятиях Бай Юэху, Инь Сюня охватила лёгкая паника. Сам Лу Цинцзю мог не отдавать себе отчёта, кто такой Бай Юэху, но Инь Сюнь прекрасно понимал. Разгневай они этого предка – мало не покажется не только Цинцзю, а всей деревне Шуйфу.

Бай Юэху: «Не нужно. Можешь идти. Я сам разберусь».

Услышав это, Инь Сюнь округлил глаза. Он хотел было возразить, но встретил холодный взгляд Бай Юэху и проглотил слова. Он сухо рассмеялся, почесал затылок, а затем, собравшись с духом, сказал: «Цинцзю пьян, так что... пожалуйста, отнесись к нему снисходительно».

Бай Юэху равнодушно отозвался: «Или ты боишься, что я его съем?»

Инь Сюнь фальшиво рассмеялся: «Именно! Съешь его – и готовить тебе будет некому».

Он понял, что дальнейшие уговоры бесполезны, поэтому послушно покинул двор. Хотя тревога не отпускала, он знал: Бай Юэху точно не проглотит Лу Цинцзю целиком. В конце концов, если бы тот захотел его съесть, ему не нужно было бы прогонять Инь Сюня. При желании он мог управиться с ними обоими, даже костей не оставив.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: «Ты ведь не съешь меня, правда?»

Бай Юэху: «Зависит от того, как именно есть».

Лу Цинцзю: «А???»

Переводчику есть что сказать:

Ещё одна загадка! Ах, загадочная шкатулочка... А в ней... в ней... семейные обручальные колечки на свадьбу Лу Цинцзю с лисьим духом его семьи! У-ху-ху.

Ах, многих главных героев даньмэй-новелл «съедают». Обычно это происходит ночью... в кровати... это ночной дождь! ♡(∩_∩)

<http://bllate.org/book/15722/1611328>